

14 декабря 1987 г., кирха

— В середине сентября я ненадолго ездил в Ленинград к Брюнелли. Б.Е. был бодр, утверждал, что летом хорошо поработал, однако дальше 2-й главы не продвинулся, да и 1-ю всё ещё продолжал вылизывать. Во всяком случае мы обсудили с ним мои вопросы и замечания по 1-й главе с тем, чтобы начать уже печатать текст начисто.

— До назначенного нам срока сдачи рукописи оставалось три месяца, а готово было чуть более половины книги. Правда, были пройдены самые объёмистые и сложные главы - 1-я у Б.Е., 3-я, 5-я и 6-я у меня. То, что оставалось, выглядело попроще. Но ведь и прошло уже три года, а осталось три месяца. И, похоже, что Б.Е., дай Бог, чтобы справился с двумя первыми и четвёртой ("Солнце и магнитосфера") главами, а 7-ю и 8-ю, видимо, придётся писать мне самому.

— Впрочем, 8-ю я и собирался писать сам, да и в 7-й мне от Б.Е. хотелось бы только морфологию полярной ионосферы поиметь, остальное трудностей не вызывало. И ещё ведь печатать всё надо начисто! Б.Е. же как-то не особенно волновался. Ну, что, мол, поделаешь? Как уж получается.

— Весь сентябрь Ирина пробыла в Калининграде. Занятия у них на курсе из-за картошки начинались в октябре, её же от колхоза освободили - "по уходу за ребёнком". Дима устроился работать фельдшером на "скорой". Для восстановления в институте ему нужно было отработать не менее десяти месяцев.

— В первых числах октября Иринка уехала в Ленинград. Сашуля по-прежнему работала на полставки, но в дни, когда Дима был дома и мог остаться с Мишей, выходила на работу на целый день, зарабатывала отгулы на дни Диминых дежурств. Так они вдвоём поочерёдно и пасли Мишу. Вторая бабушка - Димины мать с внуком нянчилась только по воскресеньям, будучи занята своими важными секретарскими делами в райисполкоме даже по субботам.

— Надо отдать моему зятю должное - с сыном своим он управлялся очень хорошо: и покормит его, и оденет, и умоет, и погуляет, и спать уложит (спал Миша и днём, и ночью у нас в своей кровати, к Ужгиным на Зарайскую ходил как бы в гости, а постоянным его домом была всё же наша квартира). И Миша к нему тянулся, хорошо с ним контактировал, меньше, чем с остальными, капризничал, и засыпал быстрее под отцовским приглядом.

— Ещё в заслугу зятю я ставил телевизионную антенну на Польшу, которую он соорудил и установил на крыше нашего дома, после чего Польшу стало возможным смотреть в цветном изображении вполне приемлемого качества. Правда, смотрел Польшу практически один только Дима, нас с Сашулей, да и Митю их передачи уже не привлекали так, как бывало в Ладушкине. И тем не менее по случаю самого факта такой возможности я зятем своим вполне гордился.

— Но вот своими литературными потугами он нас с Сашулей очень разочаровал. От Иринки мы знали про его страсть к сочинительству, что он вместо того, чтобы заниматься, по ночам создавал свои шедевры, полагая, что в этом-то и состоит его истинное призвание. На Иринку Димины сочинения впечатления не производили, что, конечно, огорчало Диму, но не останавливало.

— Сашуля призналась мне, что как-то ей случайно попало под руку Димино письмо к Иринке, и она не удержалась - прочла. Димин стиль ей ужасно не понравился - напыщенный какой-то и безграмотный к тому же.

— А туда же - в писатели лезет! Хочешь почитать? - спросила меня Сашуля.

— Не, не, не, - категорически отказался я. - Мне и так хватает от него отрицательных впечатлений. И чужие письма читать неприлично. Тебе не стыдно?

— Да я нечаянно, случайно, можно сказать, - оправдывалась Сашуля.

— С зятем на предмет его сочинений я не заговаривал. Захочет - сам заговорит, а меня

так и не тянет вовсе. Ну его, оболтуса.
—И вот зять созрел.

Ирина, Миша, Дима летом 1986 г.

15 декабря 1987 г., там же

—Пришёл он как-то вечером к нам возбуждённый, в разговорах за чаем участвовал

невыпадет, ёрзал на диване и, наконец, решился.

— Александра Николаевна, Александр Андреевич, хотите - я Вам свой рассказ прочитаю?

— Ну, давай, - без особого энтузиазма согласился я, ничего хорошего от этого не ожидая.

— Пошли на кухню, где Дима мог бы курить. Ясно было, что сегодня утерпеть без курева он не сможет. Дима извлёк откуда-то стопку измятых листков бумаги с кое-как напечатанным на машинке текстом и стал читать.

— Минут двадцать читал. Кончил. Помолчали.

— Ну, как? - не вытерпел зять.

— Я ещё выдержал паузу, собираясь с мыслями, - как бы поточнее и потактичнее передать своё впечатление, точнее всего, но не слишком тактично было бы сказать просто:

— Чушь собачья! - и дело с концом.

— Но ведь надо было объяснить Диме - почему это чушь собачья ...

— Не знаю, Дима, с какого конца и подступиться. Если коротко говорить, то - плохо. Просто плохо. А почему плохо? Потому что, прежде всего, - фальшь сплошная. Всё вычурно, надуманно и ни на что в жизни не похоже. Бред медузы. Или сивой кобылы, - не удержался всё же я (хорошо, хоть не добавил - сумасшедшего). И продолжил:

— Ты уж извини, пожалуйста. Рассказ, конечно, задуман как фантастический и аллегорический, в духе Маркеса твоего любимого. Но ведь за каждой фантазией, чтобы она воспринималась другими, должна стоять или реальная жизнь или мысль, а у тебя просто ассоциации какие-то бессвязные ... Может, они кому-нибудь и интересны, но только не мне. Я, конечно, только за себя говорю, за своё собственное впечатление.

— Ну, посмотри. Вот у тебя тут герой страдает на пляже ... во фраке! Он, что, очумел совсем? Так ведь только в комедии бывает, а у тебя он серьёзно томится *духовными* переживаниями. Нормальный человек прежде всего фрак бы снял, уж если его на пляж понесло страдать духовно. Или вот: "он лежал у кромки воды". А чуть выше сказано: "бушевал шторм". Где же там кромка воды - в шторм-то? Ты что, на море в шторм не был? Полежи-ка в шторм у кромки!

— А сколько у тебя слов используется, нерусских особенно, смысл которых для тебя, похоже, очень туманен. Вот, пожалуйста ... Дай-ка мне твои листочки.

— Я взял листки и стал отыскивать примеры.

— Ой, а ошибок-то сколько!

— Да это я наспех печатал, - оправдывался зять. Вид у него был неважный, так скажем. Ожидал он, наверное, если не аплодисментов, то хотя бы сочувственной оценки, а не такого разноса.

— Защищаться он не стал. Более того, похоже было, что с большинством моих замечаний он, в сущности, и согласен.

— Ладно, не надо больше, Александр Андреевич. Я вижу, что графа Монте Кристо из меня не вышло. Придётся переквалифицироваться в управдомы. Не буду больше писать, честное слово.

— Ну, зачем же сразу так? - не очень уверенно возразил я. - Просто это дело не простое. Сразу не у всех получается. А, может, тебе лучше стихи попробовать писать? У тебя явно склонность к формотворчеству. Если не вдумываться в содержание твоего произведения, то некоторую музыкальность в нём можно почувствовать...

— Не знаю, бросил ли Дима писать рассказы, начал ли стихи сочинять, во всяком случае про литературные его попытки я больше ничего не слышал (*в 1987 г.*). А вот музыкой он увлёкся и пропадавал теперь вечерами в каком-то самодеятельном ансамбле.

(продолжение следует)